

КЛОД ЛЕВИ-СТРОС, АНТРОПОЛОГ И ФИЛОСОФ**Н.С. АВТОНОМОВА*

Этот текст одновременно и полемический, и утверждающий. Чтобы сформулировать собственный взгляд на концепцию Клода Леви-Строса (1908 – 2009), всемирно известного французского исследователя, всего несколько дней не дожившего до своего 101-го дня рождения, требуется одновременно выразить отношение к иным, подчас противоположным, представлениям. Нередко считается, например, что Леви-Строс оставил философию, чтобы стать этнологом (фактически это верно, хотя на деле все не так просто), что он изменил созданной им самим структурной антропологии, чтобы стать своего рода социальным экологом, что в поздний период творчества он перестал защищать ценности научного познания, погрузившись в этические и эстетические материи. Анализируя всю траекторию исследовательского пути своего героя, я прихожу к выводу, что научной программе структурализма Леви-Строс оставался верным до конца своих дней, что вместе с тем он никогда не переставал быть философом (хотя, сразу уточню, структурализм – это не философия, а научно-исследовательская программа); что же касается эстетических и этических сюжетов, то они неизменно сопровождали его на долгом исследовательском пути. Леви-Строс оставил нам в наследство целый ряд вопросов для дальнейшего размышления. Иногда они звучат традиционно, но никогда не допускают уже известных решений: как возможна гуманитарная наука? Как могут взаимодействовать различные науки – прежде всего гуманитарные и естественные? Каким образом нужно было бы скорректировать европейский цивилизационный проект – с тем, чтобы он мобилизовывал нас на познание Другого, других цивилизаций, сохраняя, как главную ценность, поиск фундаментальных общностей человеческого бытия? Его собственная программа позволила ему далеко продвинуться по пути решения этих вопросов, построив, как уже упоминалось, особую дисциплину – структурную антропологию, выдвинув идею «третьей волны» гуманизма, создав новую концепцию прав человека в глобальном мире и т.д.

Наследие «мыслителя века»

Во время недавнего празднования столетия Леви-Строса обнаружились своеобразные зияния. Соотечественники-французы хвалили своего национального героя за экологичность, толерант-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 08-06-00215-а.

ность, художественное чутье, своевременные этические и гуманистические призывы. При этом куда-то на задний план уходило то, что сейчас немодно и потому кажется неинтересным — научный пафос, теоретическая работа, направленная на то, чтобы сделать современную ему французскую этнологию наукой. Приходится учитывать, что нынешние оценки Леви-Строса формируются в новом контексте, в котором изменилось отношение к науке и объективному познанию как цели и устремлению. Когда-то структурализм возник на гребне социального интереса к науке, в период надежд на то, что она сможет решить все человеческие проблемы, однако теперь эти надежды представляются преувеличенными, чтобы не сказать беспочвенными. Общее восприятие ситуации окрашивают дополнительные смысловые обертоны, за понятием структуры маячат призраки тотального, тоталитарного, угнетающего и т.д. Эти призраки стусеивают смысл самой направленности к построению новой гуманитарной науки, способной отойти от субъективных очевидностей сознания, освободиться от некоторых традиционных европоцентристских предрассудков. Конечно, коллеги во всех странах воздают ему должное. И нам важно сейчас напомнить о значении того эпизода в истории идей (1950 — 1960 гг.), когда во французской гуманитарной науке сложилась программа структурализма: наряду с другими эпизодами применения структурной методологии в европейской науке, он не только не канул в лету, но напротив, еще ярче обнаружил свою актуальность в современную эпоху¹.

Среди емких и щедрых оценок творчества Леви-Строса приведу мнение известного российского исследователя французской социологической мысли А.Б. Гофмана. Подытоживая наследие Леви-Строса, он выводит на первый план защиту равенства и самоценности различных рас и культур, идею значимости культурного многообразия, разработку проблем межкультурных коммуникаций и взаимообменов. В творчестве Леви-Строса исследователь видит прежде всего *«утверждение фундаментальных основ научного и гуманистического мировоззрения, лежащего в основе современного социального и международного миропорядка»* (Курсив мой. — Н.А.)². Наверное, кто-то сочтет подобное суждение архаичным: «научное мировоззрение» напоминает об идеологических лозунгах советских времен, а потому ему нет места в рамках современных курсов. Однако мысль российского исследователя представляется мне верной, и вовсе не из-за ностальгии по старым временам. Напомнить о том, что «научное и гуманистическое мировоззрение» во многом определяет «порядок в мире» — как внутри данного социума, так и вне его — это дорогого стоит, а то, что ценности науки и гуманизма сейчас так далеко разошлись, вовсе не делает чести нашей современности.

Структурная антропология

Вход Леви-Строса в науку был необычным. Профессиональный философ, получивший солидное образование, но скучавший на занятиях с провинциальными лицеистами, он принял предложение поехать (в составе французской университетской миссии) в Бразилию, чтобы преподавать в университете Сан-Паулу. Случилось так, что он столкнулся со своим будущим научным объектом, с подлинно Другим, совершенно не будучи к этому подготовлен — во время первой своей, еще не профессиональной, этнографической экспедиции. Отсюда — эмоциональный шок и интеллектуальное потрясение (об этом он тридцать лет спустя рассказал в своей книге «Печальные тропики», написанной на материале путевых дневников), отсюда — их долгосрочные последствия, прежде всего — огромный удельный вес мировоззренческой, этической составляющей в его научной концепции по сравнению с концепциями всех других известных антропологов в мире. Американцы и англичане упрекали Леви-Строса в том, что у него недостаточно эмпирии. Эдмунд Лич говорил даже, что у него — «юридический», а не «фактический» подход к делу. В каком-то смысле это верно: Леви-Строс — кабинетный ученый, который работал в основном на чужих данных. Но у него была и собственноручно добытая эмпирия: так, собранные им в ранних экспедициях замечательные коллекции ныне выставлены во Франции в Музее человека. Леви-Строс ищет общность человеческого рода под особым углом зрения — не на уровне материальных условий жизни, а на уровне работы познавательных механизмов (может даже возникнуть впечатление, что главным занятием его любимых дикарей было размышление, а не заботы о насущных делах).

Велик перечень лиц и идей, повлиявших на создание его концепции. В нем и М. Мосс с его идеей символики и ее роли в изучении социальных явлений, и А. Рэдклифф-Браун, тоже изучавший структуры (хотя, в отличие от Леви-Строса, он не считал их бессознательными), и Ф. Боас с его огромным лингво-культурным кругозором; это Ж.-Ж. Руссо и Монтень, это М. Сервантес с его «Дон-Кихотом». В методологии — это прежде всего троица наук: геология, Фрейдов психоанализ, Марксова концепция общественной структуры: все они выходят за уровень непосредственной видимости феноменов и стремятся найти уровень, на котором обнаруживается порядок взаимосвязей между элементами. Очень велико, по его собственному признанию, было влияние на него Маркса, только не в политическом, а в методологическом смысле. Маркс для него — первый, кто систематически использовал в социальных науках метод моделирования, кто выдвинул важнейшую для социального познания идею: нельзя понять происходящее на основании того, что думают об этом люди, не обратившись к практическим условиям их жизни и не научившись расшифровывать то, что говорит нам сознание, которое мы не умеем читать.

Но, наверное, самым ярким стимулом в момент создания структурной антропологии для Леви-Строса было влияние Романа Якобсона, с которым он познакомился и на всю жизнь подружился в Нью-Йорке, где оба они спасались в начале 1940-х годов от коричневой чумы. В известном смысле можно сказать, что именно структурная лингвистика дала Леви-Стросу онтологию и метод будущих исследований. Так, он трактует этнографические объекты как своего рода языки, системы коммуникации, а методами их изучения делает некоторые приемы структурной лингвистики, которая в то время была самой передовой гуманитарной наукой. Такое решение позволяло видеть во всех явлениях жизни «бесписьменных обществ» — системах родства и браков, масках, тотемизме, а главное мифах — особого рода языки, поддающиеся изучению с помощью метода бинарных оппозиций (двоичных противопоставлений) и их сборки в функционирующую модель. Целью ученого было обнаружить общий язык человечества. Если он не обнаруживается на уровне сознания, его нужно искать на уровне бессознательного; если он не обнаруживается на уровне истории, его нужно искать на уровне структур и их функционирования; если он не обнаруживается на уровне науки, его можно найти на уровне «логики чувств», прочитываемой как особого рода язык, в котором чувственное не противопоставляется рациональному, но взаимодействует с ним. Таким образом, вопрос о возможности «сверхрационализма» как нового единства чувственного и рационального, интеллигибельного для Леви-Строса не только академический: ведь речь идет об обосновании универсального гуманизма, о единстве человека и природы во вселенском масштабе.

Современная наука, считает Леви-Строс, была построена ценой отказа от того, что называлось вторичными качествами (запахи, вкусы, шумы, текстура осязаемого), за счет опоры на первичные качества, в которых видели доступ к подлинной реальности. Напротив, «неприрученная» (*sauvage*, «дикая») мысль бесписьменных народов, развертываясь на уровне чувственных качеств, сумела построить иную картину мира, не лишённую, однако, ни связности, ни логики и иную науку — «науку о конкретном». Она не стремится к различениям и расчленениям: объяснение имеет цену, только если оно остается цельным и целостным, сохраняя взаимоувязанность всех сфер бытия. Как современную, так и «примитивную» мысль объединяет, однако, употребление особой «самодельной» (от франц. — *bricolage*) логики, пользующейся подручными инструментами и создающей из них неожиданные сочетания для решения возникающих вопросов. «Неприрученная» мысль, которая ярче всего проявляется в мифе, выступает как совокупность характеристик мыслительной деятельности, присущих ей со времен неолита: они сохранились в мышлении бесписьменных обществ, но присутствуют и в нашем современном

мышлении, наряду с научными формами рассуждения. Не будучи скована осознанными целями и жесткими логическими императивами, она осуществляет рекомбинацию (на манер калейдоскопа) тех образов и символов, которые сформировались и накопились в предшествующем опыте. Однако для Леви-Строса, в отличие от Леви-Брюля, — это не магия, нечувствительная к противоречиям, и не прелогическая иррациональность, но вполне полноценная мысль, которая охватывает огромные географические регионы и кристаллизуется в умопостигаемых «анонимных» структурах, выявляемых исследователем.

При всей своей специфике структурная антропология не одинока в поле познания, она составляет часть общего поля познавательных усилий, осуществляемых другими науками. Леви-Строс видел науки не в их противопоставлении, но в их единстве. Этот момент также представляется мне ценным для современного познавательного этапа, на котором дихотомизм естествознания и гуманитаристики, привычный нам, усвоенный нами вслед за неокантианцами, на протяжении всего последнего столетия, перестал быть продуктивным. Леви-Строс уточняет: гуманитарные дисциплины, взятые исключительно в плане их специфичности, вообще не заслуживают названия наук, да и ему самому, дескать, удалось сделать лишь шаг на пути к иному их состоянию. Однако, в любом случае, только через свои взаимные контакты и единство общих перспектив все науки, как гуманитарные, так и естественные, способны продвигаться к решению той задачи, которую на дальнем горизонте ставит перед собой человеческое познание, — построить такую «систему истолкований, которая имела бы в виду физический, физиологический, психологический и социологический аспекты всех видов поведения»³. Заостряя эту линию рассуждения, Леви-Строс говорил: «...цель гуманитарных наук не конституировать человека, а растворить его»⁴, «реинтегрировать культуру в природу»⁵ и т.д. и т.п. Кое в чем это напоминало даже некую научную антиутопию: еще бы, ведь это означало бы — представить каждый социальный и культурный продукт как нечто порожденное всеобщими структурами мозга, а в структурах мозга прочитать условия его возникновения в живой материи, а в конечном счете — и в неживой. Впрочем, современные когнитивисты, у которых, разумеется, отсутствует этический размах левистросовских начинаний, стали видеть в этих призывах нечто близкое своим задачам и считать Леви-Строса своим предшественником.

Проблема единства наук, как ее ставит Леви-Строс, далека от распылов нашей современной междисциплинарности. В исторической ретроспективе складывающиеся науки сначала разъединяются, а потом — углубляясь — воссоединяются. «Изменяя уровень наблюдения и исследуя лежащие вне эмпирических фактов и объединяющие их отношения, [структурализм] констатирует и удо-

стоверяет, что эти отношения более просты и более понятны, чем вещи, между которыми они устанавливаются; конечная природа этих вещей может оставаться непостижимой, однако эта непрозрачность (временная или окончательная) теперь уже не является, как раньше, препятствием в их истолковании»⁶. Этот подход направляется у Леви-Строса глубокой философской интуицией — гипотезой о единстве человеческого духа или, точнее, о существовании всеобщей человеческой природы, под каким бы углом зрения мы ни рассматривали все это — в индивидуальной или коллективной форме⁷. Возьмем себе на заметку: в этой гипотезе о «единстве духа» можно видеть философский стержень специально-научной концепции, ее мировоззренческую и методологическую опору.

При этом от принципов структурализма Леви-Строс никогда не отказывался, хотя сдвиги акцентов в его творчестве, разумеется, мы наблюдаем. Речь идет, конечно, не о том структурализме, который в качестве этикетки наклеивается на любой товар, речь идет о главном критическом устремлении структурализма — «не позволить чувству личной самоидентичности ввести себя в заблуждение, попытаться обнаружить в социальных фактах отношения, независимые от тех деформаций, которые вносят в них личные интересы субъекта — индивидуального или же коллективного»⁸. В своем последнем публичном выступлении на вручении ему каталонской премии Леви-Строс также напомнил нам о том, что структурализм, по сути, не ограничивается XX веком, что история его — как определенной интеллектуальной стратегии — уходит в глубь веков. Так, уже в XIII — XIV вв. Раймунд Луллий в своей логике взял за основу различие, противопоставил крайние термины и выявил те опосредования, которые возникают между этими крайними терминами. Подобной комбинаторикой — логической системой, позволявшей задавать перечни всех возможных связей между концептами и видами сущего, — пользовались и другие мыслители — от Николая Кузанского и Лейбница до структурных лингвистов и антропологов⁹.

Леви-Строс вывел свою дисциплину, этнологию, или теоретическую этнографию, из того состояния отсталости, в котором она находилась в тот момент, когда перед ним встала проблема выбора дальнейшего пути (так, в начале 1930-х годов во Франции вообще не существовало университетских кафедр этнологии). В конечном счете, уже после войны, в 1950-е гг., Леви-Строс смог так представить этнологию — в форме структурной антропологии — в обществе, что непрофессионалы стали бредить ее экзотикой, а профессионалы, даже те, кто не разделял его позиций, вынуждены были с ним считаться. Благодаря трудам Леви-Строса, французская этнология или — в более распространенном международном обозначении — антропология получила солидные институциональные опоры. Так, Леви-Строс руководил кафедрой социальной антропологии

в Коллеж де Франс (1960 – 1982), при этой кафедре он создал одноименную лабораторию, помогавшую молодым исследователям в их научных трудах и в организации экспедиций, помимо этого он организовал во Франции издание научного и общепросветительского журнала «Человек», а, кроме того, долго и плодотворно (что не исключало порой острой полемики) работал в различных отделах ЮНЕСКО, занимавшихся социальными науками, и этот перечень социально значимых дел, конечно, далеко не полон.

Однако укорененность в социально-мировоззренческом поле никогда не была для созданной Леви-Стросом дисциплины беспроblemной. Леви-Строс был французским провозвестником научного подхода, противопоставившего себя экзистенциализму. По крайней мере, так воспринимали ситуацию философски образованные круги французских интеллектуалов. Если в течение всех 1960-х представлялось, что лидерствуют в этом противостоянии социально значимых мыслительных тенденций Леви-Строс и структуралисты, то майские события 1968 г., казалось, свидетельствовали о противоположном – о реванше экзистенциалистов и Сартра. Мысленно возвращаясь к этим событиям в конце жизни, Леви-Строс скептически заметил: такие битвы по поводу фундаментальных вопросов (субъект или структура, сознание или бессознательное, история или язык) никогда ничем не заканчиваются, да и «возврат к экзистенциализму» — не может быть окончательным, хотя молодые поколения всегда тяготеют к философиям субъективности¹⁰. Вопрос о концептуальном споре Леви-Строса и Сартра заслуживал бы отдельного специального рассмотрения. Здесь отмечу лишь, что эта полемика запечатлелась, в частности, в «Критике диалектического разума» Сартра (1960) и «Неприрученном мышлении» Леви-Строса (1962), а также в ряде полемических статей и была очень резкой: что касается Леви-Строса, то для него, по его собственному признанию, задача заключалась в том, чтобы отвоевать новой науке место под солнцем в полемике с современными представителями философской традиции мысли о субъекте.

Сартр считал атрибутом человека историческое бытие в европейском (во многом именно философском) понимании этого термина. Леви-Строс видел (и провокативно подчеркивал) в спорах между европейской «историей» и туземным «мифом» различие скорее между «горячими обществами», вносящими в мир энтропию и беспорядок, и «холодными» обществами, отличающимися скудным потреблением, а субъектно понимаемую историю считал своего рода европейским мифом. Философия субъекта в ее сартровском понимании, полагал Леви-Строс, слишком долго удерживала гуманитарные науки в плену, не позволяя им заниматься иными предметами, кроме самого сознания, а отсюда — их склонность к иллюзиям и самообману. Особенно недопустимой Леви-Строс считает «нетерпимость» — позицию «тех, кто считает себя привер-

женцем философской традиции, приводящей к Декарту: для них все начинается с субъекта, не существует ничего кроме субъекта и пр. Я стремился посмотреть на мир под другим углом зрения»¹¹. Таким образом, структуралистская познавательная установка призвана показать сознанию *другой объект*, а для этого на месте *истории, субъекта, (само)сознания* она воздвигает и укрепляет объектные универсалии – *структуру, язык, бессознательное*. Однако жесткие споры с философией субъекта вовсе не были для Леви-Строса отрицанием философии как таковой. Более того, у него даже был свой – не лишенный философского измерения – проект: построить мост между традицией «великой философии» (Декарт, Лейбниц, Кант) и политической мыслью современности. Эта великая стройка, конечно, не могла бы быть возможна без внимания философии к наукам, без ее любознательного отношения ко всей сфере познания. Эта мечта сохранила для Леви-Строса свою притягательность и в конце жизни¹².

Новый гуманизм

В 1960-е годы во Франции, когда спор экзистенциализма и структурализма был в самом разгаре, концепция Леви-Строса в ее философском срезе довольно широко трактовалась как «теоретический антигуманизм». Само это понятие принадлежит Луи Альтюссеру; оно было направлено на то, чтобы превратить марксизм из идеологии в науку, противопоставив идеям молодого Маркса с их незрелым гуманизмом идеи зрелого Маркса периода «Капитала». Казалось бы, «анонимная мысль» мифа, развертывающаяся вне какой-либо соотнесенности с установками субъективного сознания, подтверждает данную Леви-Стросу характеристику. Однако Леви-Строс не считает тезис о «теоретическом антигуманизме» уместной характеристикой собственной концепции, даже если допустить, что в конкретном историческом контексте структурная антропология «объективно» *выглядела как* теоретический антигуманизм – в противоположность экзистенциализму, оккупировавшему все пространство гуманистических идей.

Если для Сартра «экзистенциализм – это гуманизм» (так называлась его известная брошюра), то для Леви-Строса, напротив, гуманизм – это социальные науки, которые не начинают с сознания, но приходят к нему в результате исследования того, что сознанием не является. Так, Леви-Строс внятно отмечает, к примеру, что математизация социальных наук ни в коей мере не сопровождается их дегуманизацией, как то утверждают критики. Математизация становится возможной потому, что теории различных дисциплин (экономическая наука, социология, психология и др.) стремятся ко все большей общности и находят свой общий язык на уровне математических выражений. В свою очередь этот общий язык возможен потому, что объекты, к которым он применяется в реальности, по

сути своей, идентичны — это проекции единых механизмов функционирования человеческого духа.

Себя этнолог ощущал скорее представителем «третьей волны» европейского гуманизма. Начальный этап гуманизма — конец Средневековья и Возрождение (это эпоха открытия Античности, изучения латинского и греческого языков, включения их в систему образования; человеческий космос ограничен здесь пределами Средиземноморья). Второй этап — эпоха Просвещения (она вписывает в свою картину мира Индию и Китай и высказывает догадки о возможности открытия в будущем новых неизвестных нам цивилизаций). Наконец, третий, нынешний этап гуманизма связан с интересом к тем немногим обществам, которые уцелели под натиском европейской цивилизации. Наступил качественно иной этап. Идти вширь уже некуда. Изучение бесписьменных обществ предполагает непосредственный контакт с изучаемым объектом, а не работу с документами прошлого. Именно на этом материале нам открываются минимальные условия социального существования, которые не видны на примере других, более сложных организованных обществ.

Очевидно, однако, что для построения «нового гуманизма» нужны продуманные мыслительные координаты и надежные интеллектуальные средства. Строить универсальный гуманизм — значит создавать общий людской дом, начиная не с верхних этажей, но с фундамента, с того, что действительно является общим для всех обитателей этого дома. Бесписьменные общества — не подростки: они просуществовали на земле точно такое же время, что и современные «цивилизованные» общества, только они были заняты другими делами. Дело не в том, что они были вовсе лишены развития, но в том, что их развитие, в котором происходили свои изменения и катаклизмы, было нацелено не на кумуляцию изобретений, но на преемственное сохранение тех способов связи с природой, которые им удалось установить. Короче говоря, бесписьменные общества — наши современники: только они научились выживать, не причиняя урона окружающему миру и не внося в мир энтропийного беспорядка.

К «третьей волне» европейского гуманизма¹³ Леви-Строс относит и появление структурной антропологии, которая не остается лишь областью теоретического знания, но предлагает свои подходы к решению человеческих вопросов, и в том числе проблемы прав и обязанностей человека в мире. «Не будучи ни философией субъекта, ни просто философией, структурализм может поставить перед собой подобную проблему (речь тут как раз и идет о перспективном переосмыслении вопроса о правах человека. — *Н.А.*); он в состоянии сойти с протоптанных дорожек и предложить собственные ответы»¹⁴. В период «третьей волны» западная цивилизация, осуществляя свою повсеместную экспансию, редуцирует разнообразие челове-

ческого и природного мира и приводит к невосполнимым потерям. Для того чтобы замедлить и, в пределе, — остановить эти разрушительные тенденции социального, экономического, демографического плана, мы должны руководствоваться иной концепцией прав и обязанностей человека во всемирном масштабе. Суть этой концепции — в признании неотъемлемых прав на выживание *у всех живых видов*: из этого вытекает, что права человека *прекращают свое действие* в тот момент, когда их осуществление подвергает опасности существование других видов¹⁵. В этой простой формуловке сосредоточена новая концепция планетарного гуманизма.

Одна из главных бед современности, усугубляющая болезненные парадоксы социального развития и человеческого бытия в мире, по Леви-Стросу, — это демографический взрыв. Колоссальное увеличение численности населения земного шара за последний век приводит к тому, что люди, «как мучные черви в закрытом мешке», отравляют себя и друг друга еще до того, как они реально столкнутся с нехваткой средств к существованию. В тесноте густо заселенного культурного пространства им становится все труднее переносить близкое присутствие людей других культур: для того, чтобы вести здоровое существование, человечеству необходимы большие дистанции между культурами, а кроме того — универсальная этика, которая не может ограничиться миром людей и призвана охватить все живое. Тем самым концепция прав человека, предлагаемая Леви-Стросом, заметно отклоняется от американской и французской концепций, выраженных в соответствующих декларациях прав человека. Французский исследователь отказывается исходить из уникальности и привилегированности человека среди других живых существ и считает права человека частным случаем прав, признаваемых за всеми живыми существами. Понимание человека как живого существа в мире живых существ, считает Леви-Строс, поддержали бы и стойки, и представители культур Дальнего Востока, а в наши дни ее практически поддерживают также «бесписьменные общества», изучаемые этнологом, о чем свидетельствуют, прежде всего, выработанные ими способы умелого поддержания природного и культурного равновесия.

Неизбежность философствования

Если взглянуть на творчество Леви-Строса в целом, мы увидим, что его уход из философии (той философии, которую ему преподавали, и той, которую он сам поначалу преподавал) вовсе не был разрывом с ней. Философия, которая с интересом относится к научному познанию, его привлекает: так, он с огромной симпатией относился к Мерло-Понти (в противоположность Сартру), и Мерло-Понти платил ему тем же. В целом наука и философия — это разные оптики: чтобы познать человека, считает Леви-Строс, философ смотрит вглубь собственного сознания, а этнолог — вширь и

вдаль. Мыслить надо так, чтобы «ничто человеческое не было нам чуждо», т.е., не ограничиваясь при этом ни своим сознанием, ни своей культурой, ни своей цивилизацией. И это — стержневое суждение гуманизма XX, а теперь уже и нынешнего века. Как понять Другого? Просто взглядываясь — ничего не получится, без сравнения тут не обойтись. Однако это познание возможно: хотя другой — другой (т.е. он отличен от меня), это не значит, что он *радикально иной*; более того, познание другого помогает нам понять и самих себя, предъявляя нам в объективированной форме то, что есть и в нас самих. Это общее — механизмы структурного бессознательного, проявляющиеся в виде «дикой», «неприрученной» мысли.

Тут возникает давняя философская сложность — проблема универсалий, которая стала камнем преткновения и для современной мысли, нередко низвергающейся в релятивизм. Культурный релятивизм для нас важен в той мере, в какой он позволяет избавляться от этноцентризма как помехи при познании обществ неевропейского типа. Во всех других случаях этот тезис стоило бы скорее «подвешивать», приостанавливая его действие. После выхода брошюры «Раса и история» (1952) Леви-Строса критиковали за то, что он отвергает прогресс, за его «идеологическую предрасположенность к примитивным обществам»¹⁶. Ругали его и за то, что, размывая иерархии, он стирает грани между качественно различными уровнями культуры. Но Леви-Строс уточняет: одно дело — культуррелятивизм как методологический принцип всякой серьезной этнологии, другое дело — философский или политический релятивизм.

В этом споре об универсалиях смыкаются интересы специальных наук, с одной стороны, и философии, с другой. Филипп Дескола, нынешний преемник Леви-Строса на посту руководителя кафедры социальной антропологии в Коллеж де Франс, подхватывает эти рассуждения об универсалиях и релятивизме в плоскости культурологической и методологической: представим себе несколько возможных онтологий, они порождают различные мыслительные установки, а эти установки, или «первичные парадигмы», словно подпружные арки в архитектуре, дают далее опору тем или иным конкретным культурам. Хотя конкретные культурные решения нельзя представить себе в рамках единой иерархии (в их основе лежат различные первичные онтологии), однако, утверждает Дескола, между ними нет неумопостигаемости, они остаются интеллигибельными друг для друга¹⁷.

Конечно, такое утверждение не снимает вопроса о том, что же это за формы интеллигибельности, если они полностью исключают иерархию по тем или иным критериям? Наверное, здесь можно было бы прибегнуть к дифференцирующему подходу. И тогда окажется, например, что Запад вышел вперед по уровню технического прогресса, дальневосточные цивилизации — по умению

гармонизовать отношения души и тела, современные беспильные общества — по своей способности поддерживать единство с природой. И вообще человечество, подталкивает Леви-Строс, не поднимается по общей лестнице, но движется одновременно в разных направлениях. Его богатство (или бедность) заключается в большем или меньшем многообразии производимых им форм и возможностей выражения — верочений, нравов, литературы, искусства. Соответственно «прогресс» представляет собой не что иное, как функцию единства, объединения («коалиции») культур: прогресс — это, иначе говоря, обобщение шансов, которые находит или вырабатывает та или иная культура в своем развитии¹⁸.

Леви-Строса часто спрашивали о его, так сказать, «глубинной философии». Сам этот термин Леви-Строс отвергал. Он вообще был совершенно не медиатическим интеллектуалом, не любил отвечать вопросы обо всем и ни о чем; его суждения часто идут вразрез с общепринятыми в интеллектуальной среде мнениями, в частности, по политическим вопросам. Не люблю, говорил поздний Леви-Строс по поводу майских событий 1968 г., когда деревья вырубали, чтобы сделать из них баррикады, протестую против разорения и порчи университетов, они и так деградируют, признаю значимость социальных ритуалов (Академия, университет), они организуют общество и т.д. и т.п. И это говорит бывший социалист, который стал «консерватором» — без озлобленности и без иллюзий. Что же касается вопроса о его «глубинной философии», он старался обойти его примерно так. Главное для нас — осознать и принять огромное, невыносимое противоречие человеческой жизни, а именно: человек живет, работает, мыслит, сохраняет мужество в трудных жизненных ситуациях, зная, что и сам он не вечен, и земля в какой-то момент прекратит свое существование, так что от всех человеческих творений ничего не останется.

Так, может быть, подсказывали ему, здесь напрашивается скорее религиозный ответ? Однако религиозные решения Леви-Строс отвергает, фактически защищая право современного цивилизованного человека, с уважением относящегося к религиозным верованиям других, иметь и открыто защищать пострадавшую и продуманную им светскую позицию¹⁹. Конечно, человек не свободен от участия в космическом мироустройстве, а чувство космической сопричастности, некой непостижимой тайны, по-видимому, лежало в основе всех религий; однако оно не обязательно приводит к возникновению религиозного сознания, а человека — к его принятию. Позиция Леви-Строса по этим вопросам продумана, взвешена и не лишена тонких нюансов, обогащающих его суждения: «Хотя я и глух к религиозным ответам, я все больше проникаюсь ощущением того, что космос и место человека во вселенной выйдут, и всегда будут выходить, за рамки нашего понимания. Бывает, что мне легче найти общий язык с верующими, чем с махровыми

рационалистами. У первых, по крайней мере, есть ощущение тайны, которую, на мой взгляд, мысль по самой своей конституции не способна разрешить. Научному познанию остается лишь отгрызать от нее по кусочку со всех сторон»²⁰. Однако такое суждение просто не может быть для Леви-Строса — как для антрополога и философа — итоговым. И он, несмотря на все сказанное выше, продолжает: «Я не знаю ничего более стимулирующего, более обогащающего дух, чем попытки идти путем научного познания — не претендуя на позицию знатока и осознавая, что каждый шаг прогресса выявляет все новые проблемы и что задача познания бесконечна» (Курсив мой. — Н.А.)²¹. Ведь за каждой проблемой, которую мы разрешили (или думаем, что разрешили), возникают новые, потому что глубины природы выходят за рамки нашей способности представления. Этому нас научил Кант, пытавшийся, как известно, обрести абсолютные основания на уровне морали.

К Канту Леви-Строс пришел, как он сам признавался, необычным путем — через Маркса, отступая к истокам философской мысли, так или иначе определившей и нашу современность. Все, наверное, помнят характеристику, некогда данную Леви-Стросу Рикёром, — «кантианство без трансцендентального субъекта». Леви-Строс неизменно с ней соглашался, добавляя: наверное, это так потому, что у меня очень мало чувства личной (само)идентичности. Однако у Леви-Строса есть и другая — своя собственная — попытка определить свое отношение к Канту. Так, он называет себя «гиперкантианцем» — прежде всего потому, что вводит «моральную жизнь в проблематику чистого разума: а в ней тоже есть свои антиномии, которые невозможно преодолеть»²². Тем самым, через изучение противоречий морального сознания, воплощенных в работе социальных, культурных и языковых механизмов, он намечает путь к преодолению кантовской дихотомии сфер духа: противоречивы все эти сферы без исключения. Подробно рассмотреть здесь различные аспекты этого парадоксального «гиперкантианства» нам не удастся. Однако ясно, что к этому же регистру проблем можно отнести и рассуждение Леви-Строса о предструктурированности эмоций: наряду с разумом они управляются некоторыми формами, похожими на априорные формы рассудка: именно поэтому поток эмоций не распространяется случайно, но как бы следует заранее прочерченными путями. Ученый и философ, ученый как философ ищет возможностей для описания различных форм организации смысла и тех закономерностей «единства человеческого духа», которые скрываются за бесконечным разнообразием человеческих творений.

В итоге, надеюсь, мы, с помощью Леви-Строса, установили, что изучение структур — не оторвавшаяся от материка льдина, ушедшая в никуда, но неотъемлемая характеристика научного

познания. А потому реактуализация идей структурного анализа, несущая в себе неиспользованный научный и гуманитарный потенциал, это актуальный путь современной науки. Еще раз напомним: структурализм — это не философия, иначе он не смог бы так быстро превратиться в постструктурализм и далее — в постмодернизм, даже при том условии, что этому способствовали серьезные внешние обстоятельства. Разбираться с вопросом о том, что можно было бы считать философией структурализма — или, точнее, философскими аспектами проблематики структурализма как научной программы — нам еще предстоит. В любом случае на примере структурализма мы уже смогли исследовать чрезвычайно интересные формы взаимодействия науки и философии, пусть и в одном исследовательском сознании. В собственной жизни Леви-Строса эти взаимодействия не исключали ни искусства, ни этики, ни каких бы то ни было других духовных прозрений — в философских диалогах с Монтенем, в глубинных переключках с Паскалем и Руссо, в наблюдениях над людьми и обычаями. В отношении к собственному предмету у Леви-Строса было немало наивного руссоизма, но его интуиция философа указывала верное направление — туда, где у нас еще есть возможность, пока не поздно, скорректировать пути человеческого в мире живого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См. обзор: *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров. — М.: РОССПЭН, 2009. О рецепции идей Леви-Строса в России см.: *Ostrovsky A.B.* La réception de la pensée de Claude Lévi-Strauss en Russie // L'Herne. Lévi-Strauss, 2004.

²*Гофман А.* Комментарий для «Полит.ру» // http://www.polit.ru/science/2009/11/05/gofman_levistrauss.html

³*Lévi-Strauss Cl.* Introduction à l'œuvre de Marcel Mauss // *Mauss M.* Sociologie et anthropologie. — Paris: PUF, 1950. — P. XXV.

⁴*Lévi-Strauss Cl.* La pensée sauvage. — Paris: Plon, 1962. — P. 326.

⁵*Ibid.* — P. 327.

⁶*Lévi-Strauss Cl.* Mythologiques. L'Homme nu. — Paris: Plon, 1971. Т. 4. — P. 614. (Цитата приводится в моем переводе. — *Н.А.*) . Ср.: *Леви-Строс К.* Мифологии: голый человек. — М.: FreeFly, 2007. — С. 653.

⁷*Lévi-Strauss Cl.* Les sciences humaines sont un humanisme // Sciences Humaines. En co-édition avec Courrier de l'UNESCO. Comprendre Lévi-Strauss. Hors série special. 2008. № 8. Nov.-déc. — P. 92.

⁸*Eribon D.* Un monde inconcevable (Беседа с Леви-Стросом, записанная в 2002 году) // Le nouvel observateur. Hors-série. Nov.-déc. 2009. — P. 79.

⁹См. речь К. Леви-Строса на присуждении ему Международной премии Каталонии (Париж, Французская Академия, 13 мая 2005 года) (см.: *Lévi-Strauss Cl.* L'Ethnologue devant les identités nationales // Les cahiers

de l'Égaré aux Revest-les-Eaux; <http://cahiersegare.over-blog.com/article-levi-strauss-discours-de-2005-40925885.html>).

¹⁰ См.: *Eribon D.* Un monde inconceivable. – P. 79.

¹¹ *Lévi-Strauss Cl., Eribon D.* De près et de loin. – Paris: Odile Jacob, 1988. – P. 227.

¹² *Ibid.* – P. 16.

¹³ См.: *Lévi-Strauss Cl.* L'Ethnologue devant les identités nationales.

¹⁴ *Lévi-Strauss Cl., Eribon D.* De près et de loin. – P. 226.

¹⁵ См.: *Lévi-Strauss Cl.* L'Ethnologue devant les identités nationales. Ср. также: *Lévi-Strauss Cl., Eribon D.* De près et de loin. – P. 226.

¹⁶ *Bollon P.* La nouvelle querelle des universaux // Magazine littéraire. Mai 2008. № 475. Le dossier «Le penseur du siècle». – P. 82 – 83.

¹⁷ *Descola Ph.* Les deux natures de Lévi-Strauss // l'Herne. Claude Lévi-Strauss, 2004; *Descola Ph.* Par-delà nature et culture. – Paris: Gallimard, 2005.

¹⁸ *Lévi-Strauss Cl.* Anthropologie structural 2. – Paris: Plon, 1973. – P. 418.

¹⁹ *Lévi-Strauss Cl., Eribon D.* De près et de loin. – P. 14.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.* – P. 224.

Аннотация

В статье опровергается ряд распространенных мнений относительно концепции Клода Леви-Строса и вместе с тем утверждается, что ученый никогда не порывал со структурализмом и структурной антропологией и никогда не переставал быть философом – уже хотя бы потому, что он ставил вопросы о единстве человеческого духа и о всеобщих принципах гуманизма.

Ключевые слова:

структурная антропология, сверхрационализм, экзистенциализм, бесписьменные общества, релятивизм и проблема универсалий.

Summary

The article is a refutation of some well known opinions concerning the ideas of Claude Lévi-Strauss. It is maintained by the author that the thinker neither ever gave up his structuralist faith, nor did he, at any time, stop to be a philosopher – the latter statement is corroborated by Lévi-Strauss's continuous interest in such themes as the unity of human spirit and universal principles of humanism.

Keywords:

structural anthropology, superrationalism, existentialism, preliterate societies, relativism and the problem of universalialia.